

Автор предупреждает своих читателей, что у персонажей его романа не имеется реальных прообразов. Все характеристики, которые могут показаться читателю узнаваемыми, использованы автором исключительно в качестве элементов для создания вымышленного образа.

Глава 1

...Вот она, голубка! Пожалуй, он сделал правильный выбор. Она, конечно, кажется дурнушкой, — но если приглядеться... Какая нежная, сладкая шейка! Какой затылочек — круглый, плавный! Бездарный хвостик бездарных волос, но хороший парикмахер с ними управился бы вполне достойно... А подбородочек упрямый? Он весьма мил... Нос великоват, но не настолько, чтобы все испортить. И губы — они ему в прошлый раз показались тонкими, бесформенными, — а вот ведь ротик открыла, что-то говорит покупателю, так очень даже ничего... Она просто не умеет держать их так, чтобы выгодно смотрелись. Она много чего не умеет, эта крошка. Потому и сидит за кассой. Была бы ума побольше да нахальства, так уже давно крутила бы мужиками, как хотела. И носила бы и шубки дорогие, и колечки. И не за кассой бы сидела, а на мягоньком сиденье какой-нибудь машинки, дорогой и дурацкой... Да, у нее есть потенциал.

И она должна его подспудно чувствовать. И верить в глубине души, что рождена для лучшей жизни: ведь все дурочки надеются на чудо! Они не догадываются, что к той замарашке, которая целыми днями кастрюли мыла да крупу перебирала, только в сказке приходит фея и на халяву делает из нее принцессу.

Дурочки пообразованнее любят повторять, делая умно-возвышенное лицо: «сами придут, сами все дадут!»... И невдомек им, что Булгаков тоже сказку написал. В реально-

сти сами тогда приходили только люди в черных пальто, да *сами* только в лагерь отправляли.

Так что, милые мои, чудес не бывает, и халявы не бывает, а в принцессы выбиваются исключительно те, которые ничего не ждут и не просят, а зубками, локотками потихоньку работают, и губками, где надо, и язычком, который знает, где болтать, а где...

Но для тебя, кассирша, сказка случится. Настоящая сказка, в которой все на халяву. Вместо феи у тебя буду я — я назначил тебе сказку, как назначают диету.

Итак, внимание: оркестр уже играет прелюдию! Занавес ползет вверх!

Сейчас к нашей девочке подойдет мальчик. И спросит:

— Сколько с меня, девушка?

И, когда она поднимет глаза, он обалдеет и скажет самую большую в мире банальность:

— Какие у вас красивые глаза... Я таких никогда не видел!

И все получится, как должно. Она поверит. Ведь каждая дурнушка непременно за что-то уцепится. Даже если она страшнее крокодила, то будет считать, что у нее зато мизинец на левой ноге совершенной формы. И тот, кто похвалит ее мизинец, — тот и заполучит ее никчемное сердце!

Впрочем, все мы таковы, верно? Там не вышло — здесь добираем. Пенис в неисправности — будем всему миру доказывать свою интеллектуальность; интеллекта нет — будем брать хитростью или кулаком; кулака нет — будем трахать баб, кто больше; трахомет не работает — будем доказывать интеллектуальность... На колу было мочало — не начать ли нам сказочку сначала?

...Как всегда, отвлекся. Поток сознания. Если бы он вздумал писать в этом патологическом жанре литературы, похожем на произвольное мочеиспускание, то он затопил бы своим потоком всю планету. И еще для соседних галактик хватило бы.

Черт, опять отвлекся. Очередь уже подходит! Внимание!

Она подняла глаза от кассы:

— Двести сорок рублей ровно.

Перед ней стоял картинный блондин с ослепительной дежурной улыбкой на лице. Тоня сухо поджала губы: пусть себе сияет медным тазом, раз ему охота, — а ей до него дела нет!

Но невольно, но нечаянно ее взгляд чуть задержался на лице красавца. И тут его улыбка вдруг стала линять, медленно сползать, и вместе с ней и лицо его словно осунилось.

И он выдохнул:

— Какие у вас глаза... Никогда таких не видел...

Он помогал головой.

— Бррр... В них можно утонуть.... Вы ведь знаете, что в них можно утонуть? Вы, наверное, русалка? Утаскиваете неосторожных купальщиков на дно?

Голос его был необычайно серьезен. Тоня так растерялась, что только и могла молча глядеть на него. Подобного ей никто никогда не говорил.

— А там, на дне... — понизил он голос, сойдя до хриплого, прерывающегося шепота. — Там вы защекочете на смерть, да?..

...Все всколыхнулось в ней от этих слов, как темные водоросли на глубине, взметнулось мутным облаком песка со дна, поднятого рыбьим хвостом, — задрожавшим, забившимся в экстазе от русалочьего счастья держать в руках гладкое человеческое тело...

...Что за бред! Тоня едва заметно выдохнула, сделала строгое лицо и выбила чек.

Но потрясающий блондин ей улыбнулся — и она невольно вместе с ним.

Он готов был держать пари: при словах о русалке все ее закишие в никчемности гормоны зашевелились, затолкались, задышали и, жадно хватая кислород, помчались, оголтелые, по сосудам. Ее девичья матка сжалась в трепетном

и сладострастном страхе, а затем решительно расправила упругие стенки и завибрировала, испуская волны, заставляя содрогаться каждую клеточку тела... Всего лишь на секунду, на крошечную секунду в глазах кассирши поплыл туман, затруднилось дыхание — и она сразу взяла себя в руки. Но он, он все успел увидеть, словно сидел внутри ее тела, словно стал ее частью. Это он плыл туманом в ее глазах, это он бежал гормонами в ее крови, это он разливался томными волнами в низу ее живота, это он хмелем ринулся в ее мозг!

У него на губах даже появился пряный вкус вина... Ах, какая прелесть! Ах, как он был прав, выбрав эту кассиршу!

Весь вечер Тоня вглядывалась в зеркало, пытаясь отгадать, что нашел в ее глазах блондин, заплативший двести сорок рублей в кассу. Глаза нормальные, ничего особенного. Она вся такая: ничего особенного. Не уродина, но и не красавица... Хотя мужчины, они женщин как-то иначе воспринимают. Вот недавно, к примеру, когда они у Галки смотрели телевизор, — Боря так загляделся на одну страшненькую, тощую, кривоногую девицу, что они с Галкой даже спросили, чего он в ней нашел. А Борька ответил, что девица супер, что в ней есть класс и что они ничего не понимают.

Галка обиделась, а Тоня нет. Чего обижаться? Она не понимает, верно. Она же не мужчина. Им нравятся почему-то кривые ноги, и тут есть загадка. Ведь в теории все считают, что стройные ноги лучше, чем кривые, — и у Тони стройные ноги, но никто на них не заглядывается. И грудь у нее полная, красивая, Тоня иногда даже любит ее в зеркале. Говорят, что мужчины любят большую грудь... Любят? Но почему тогда не Тонину?

Нет, у мужчин есть какой-то секрет... Галка говорит, что фишка в том, как себя подавать. Но, спрашивается, почему надо себя *подавать*? Как блюдо в ресторане, что ли? На подносике? Декольте до пупа сделать, словно

витрина продуктового прилавка: а ну, налетай? Вот вам сосиски, вот вам колбаса?! Нет уж, увольте! Тот, кому понадобится, сам ее разглядит! Разглядел же тот, двести сорок рублей... Красивый парень, что и говорить. На такого девицы сами оборачиваются. А он — он разглядел ее, Тонины глаза! И, может, он еще снова придет...

Галка отнеслась к рассказанному эпизоду скептически:

— Да брось ты! Мужики знают, что женщин можно легко взять на комплименты, — вот и разбежались: пихают нам в уши невесть что! А ты уж прям и поверила!

— Борька твой что-то не разбежался, — хмуρο заметила Тоня. — Все больше комплименты каким-то страшилкам отпускает. Да не им в уши, а нам с тобой! Вроде как хочет сказать, что мы ничего не стоим...

— Так ему же уже не надо меня завоевывать! — рассмеялась Галка. — Он меня уже взял, чего ему теперь напрягаться... — Ее тон неожиданно сник и завис в воздухе тоскливой нотой.

Но на Тоню ее слова подействовали совсем иначе. «Завоевывать», — вот что она услышала! Раз блондин сказал ей такие слова, пусть даже пустой комплимент, — то, значит, он собирается ее завоевывать?!

— Ты бы видела, как серьезно он это сказал, — попробовала настоять Тоня, желая услышать от подруги что-нибудь обнадеживающее.

— Ой, да они все актеры такие! У тебя ведь опыта нет, ты не знаешь. А мне поверь: когда им от женщины чего надо, то целый спектакль разведут! ...А Борька — он просто больше не прикидывается, — вдруг добавила она. — Ему не нужно прикидываться, потому что он меня любит, и я это и так знаю!

И снова Тоня из всей Галкиной речи удержала только одно: «когда им от женщины чего надо». Значит, блон-

дину что-то надо от Тони! Надо! Он ее за-во-е-вы-ва-ет. Вот как!

И, значит, он снова придет!

...Прошла неделя, потом другая. Блондин все не шел. Тоня готова была поверить, что он ей приснился, если бы не двести сорок рублей. Они были слишком материальны, они, как якорь, прочно удерживали красивого блондина в реальности. Он существовал, и он сказал, что в ее глазах можно утонуть! От этих слов кровь билась в висках. Она чувствовала, как розовеют щеки, — совсем некстати, когда она обслуживала очередного покупателя, — а внутри тела начинал раскручиваться огненный смерч...

На третьей неделе Тоня сказала себе: баста. Галка права. Парень отпустил комплимент мимоходом и давно забыл о твоём существовании. И ты забудь.

Глава 2

Он выдерживал паузу. Пусть девушка промаринуется как следует. Он ходил украдкой подсматривать за ней. Он наслаждался ее тоскующим взглядом, которым она окидывала иногда торговый зал в надежде, что красавчик снова появится... Она томилась, она грустила, она вздыхала — и он ловил каждый вздох, поднимавший грудь невзрачной кассирши, высчитывая, когда будет «пора»...

Пока все укладывалось в самую примитивную схему: девушка здоровая, гормоны играют — а мужчины нет. Ей хочется «любви», эта дурь, к которой так склонны женщины. Она просто так в постель с мужчиной не пойдет — «секс» слово низменное, ей чувства подавай! А сама-то, милая, посмотри на себя: да кто же в тебя влюбится, в такую мымру? Ну же, открой глаза, глянь в зеркало! Приведи волосы в порядок, научись пользоваться макияжем, подтяни фигурку чуток, она у тебя ничего, но полнота уже наметилась. Работа сидячая, еще немного, и расползешься,

как квашня! Ну же, деваха, давай, ради своего блондина! Подними свою толстоватую попу, пошевелись! Товар надо лицом подавать, милая, неужто сия простейшая истина до сих пор не коснулась твоего девственного мозга?

Нет, куда там! Она так и сидела в своей кассе серым крючком вот уже третью неделю и ждала его. Делая вид, что не ждет. Поразительно просто: все все хотят на халяву. Даже любви.

До чего люди ограничены... Тоска. Может, зря он все это затеял? Что нового он может узнать о жизни, уже изученной вдоль и поперек, как рисунок обоев на прикроватной стенке?

Ладно, так и быть: продолжим. Вдруг все-таки чего и получится из этой затеи...

Он явился тогда, когда Тоня перестала о нем вспоминать. Подмигнул, как старой знакомой: «Привет, русалка!» Она тихо ахнула от неожиданности и немного покраснела: вся очередь посмотрела на него, а потом уставилась на Тоню. Наверное, подумали: «Русалка? Эта моль бесцветная?»

— Привет! — ответила она, стараясь не показать смущения.

Он стоял сбоку от кассы, красивый до обморока, и сверкал улыбкой.

— Как дела? Много жертв утащила за это время на дно?

...Можно подумать, она и впрямь такая роковая женщина, что мужчины немедленно превращаются в утопленников, и складываются в штабеля в жирном озерном иле, и лежат там, склизкие и зелененькие... Бррр!

Тоня поджала губы. Она не знала, как отвечать, и предпочла сделать серьезный, сосредоточенный вид.

Наверное, он догадался, что его шутка не слишком понравилась. Он наклонился и тихо спросил:

— Ты когда заканчиваешь?

В десять. Она заканчивала в десять, о чем, поколебав-

шись, сказала ему. И в десять он ждал ее у магазина. Она так этому удивилась, что даже отчего-то расстроилась.

— Меня зовут Кирилл. А тебя?

— Антонина, — строго ответила она.

— Пойдем посидим где-нибудь, Антонина? Тут недалеко есть летнее кафе...

— Зачем? — еще строже спросила она.

— Просто так! — удивился Кирилл. — Поболтаем! Ты чего-то боишься?

— Вот еще! — фыркнула Тоня и пошла с ним в кафе.

Он назначил ей встречу, потом другую. Что-то все-таки зашевелилось в ее мозгу: приделась, как могла, причесалась, даже губы подкрасила. Изменения скромные, почти незаметные, — но важно, что они были! Мужчина легко простит дурной вкус, нелепый макияж, вульгарное платье, но никогда не простит отсутствие желания ему понравиться. Антонина его выразила скудно, робко, — но выразила. Значит, игра стоит свеч.

Он рассматривал ее долго и внимательно. Он заметил все: и мурашки в вырезе платья, покрывшие грудь, — то ли от свежего вечернего ветерка, то ли от смущения; и как она отводила глаза, не умея выдержать мужской заинтересованный взгляд; и как теребила маленький дурацкий бантик, венчавший дурацкий, ханжеский вырез платья; и как нервно закладывала за уши выбившиеся из дурацкого хвостика пряди волос...

Он наслаждался. Он впервые наблюдал за женщиной. Раньше он втягивался с ними в отношения, а в них его интересовали только собственные ощущения и, в особенности, зоркая охрана границ своей неприкосновенной личности, за которые никому не позволялось переходить. Теперь же, свободный от этой заботы, он был независимым наблюдателем — и он жадно впитывал каждую деталь. Он был зрителем, и зрелище игралось только для него: он оплатил этот спектакль целиком, как оплачивают в поезде все купе за право не иметь попутчиков.

...Кирилл вел себя очень вежливо, ненавязчиво, ни на что не намекал, рукам воли не давал, — что Тоня очень ценила. Их встречи вечером в кафе потихоньку стали привычкой.

Он был по-прежнему мил и внимателен. Тоня не переставала изумляться. Он говорил: мне с тобой интересно. Он говорил: ты не такая, как другие. Он говорил: в тебе есть что-то настоящее. Он говорил: ты сама себе цены не знаешь.

Он говорил... И Тоня плыла на волнах неведомого блаженства. И соглашалась на новую встречу, хотя в груди было отчего-то тревожно и прохладно. Слишком они не равны, этот красавчик и она. Что-то в этом таилось неправильное... Но он был так нежен, так предупредителен, что ее страхи, мазнув бархатным крылом ночной бабочки по щеке, растворялись бесследно в темноте. О них легко забывалось, его восхитительное лицо было напротив, чуть размытое в сумерках, чуть растворенное в свежих и пряных запахах вечера, наполнявших веранду кафе, — и у нее возникало чувство, близкое к экстазу. Ей хотелось взять его в руки, как некую драгоценную субстанцию, и, соединив ладони, поднести это чудо к лицу, вдохнуть его, умыться им, — и потом спрятать его у себя на груди, возле сердца...

...Она так сурово недооценивала себя, эта глупышка, что ее чувство было больше похоже на религиозный экстаз. Следовало что-то с этим делать, причем срочно. Не хватало только, чтобы она начала молиться на него, фанатичка! Нет ничего хуже женщин, которые конвертируют свое неудовлетворенное либидо в духовные порывы.

Пора ее трахнуть и поставить, таким образом, вещи на свои места. Сломать ее ханжеское целомудрие — результат дурного воспитания — проще простого. Даже скучно. Он бы, пожалуй, предпочел потянуть...

Но нельзя. Ханжество — страшная вещь. Его опасно

прикармливать пищей для сомнений, иначе оно пустит метастазы. Все туда же, во мнимую духовность извращенного либидо... Поэтому следовало действовать быстро, не давая опомниться кассирше. Увлечь ее так, чтобы она забыла обо всем, чтобы она сама сломала собственное сопротивление и избавила его от этой нудной работы.

Еще неделя, максимум две, — сказал он себе. И от ее глупых страхов и сомнений ничего не останется, готов держать пари!

...Кирилл завоевал ее доверие в считанные дни, завладел ее мыслями и душой за одну декаду. И еще спустя неделю — ее телом.

Оказалось, что Тоня до сих пор не знала, что такое секс. Под этим прозаичным словом она понимала определенный физиологический процесс, который способен доставить определенное удовольствие. Без него можно было легко обходиться, как, скажем, без лишней конфеты, которые Тоня любила, но старалась от сладкого воздерживаться.

Но до сих пор она не могла себе даже представить, что два тела, соединившись, могут стать космическим кораблем, на котором душа улетала к звездам, чтобы напиться их энергии... Возвращаясь, Тоня светилась их светом, и тихая музыка звезд исходила от нее, неслышная, как благодать.

Ее любовь к Кириллу стала всепоглощающей. Она попросту жила теперь им и была безмерно счастлива. Только одна мысль заботила и занозила: что он в ней нашел? Тоня непременно решила бы, что он альфонс, если бы она была богатой. Но она была нищей, а он, ровно наоборот, богатым! Красивый, нежный, щедрый — не мужчина, а сказка! За последнее время у нее появились вещи, о которых она не смела и мечтать. Изящное колечко с изумрудом, оправленным бриллиантами, два великолепных костюма из дорогих бутиков, золотой брас-

лет, — «это я тебя окольцевал, — шутил Кирилл, — чтобы ты от меня не сбежала!»

Как будто она могла сбежать! Как будто ей было куда бежать...

Но что же он все-таки в ней нашел?! Тоне очень не хотелось задавать этот вопрос: таких идиотских вопросов не задают! И все же не выдержала:

— Что ты во мне нашел, Кирилл?

Он молчал. Он задумчиво смотрел на нее. Он провел рукой по ее животу, снизу вверх, потом сверху вниз... Он очертил пальцем овал ее лица, потом прошелся по контуру губ...

— Ты великолепна, Антония.

Он почему-то звал ее так, на западный лад.

— И самое великолепное в тебе — это то, что ты об этом даже не догадываешься. Ты ничего из себя не строишь, ты не стараешься подать себя... Ты даже не знаешь, как мне это дорого.

Боже! Знал бы он только, как ей, ей это дорого!

Против всех ожиданий, в постели она оказалась на высоте. Она все делала всерьез, почти религиозно, — и в этом было нечто весьма притягательное. По крайней мере, это отличало ее от большинства девиц, которые отдавались с привычным равнодушием, уступая мужскому натиску в надежде, что из этого вдруг да что-нибудь выйдет поинтереснее: замужество или, на худой конец, подарок. Антония (так он ее прозвал ради экзотики) ничего не смела просить, даже мысленно. Она отнеслась как к чуду ко всему, что с ней происходило, и была безмерно благодарна кудеснику, который ей это чудо подарил.

Он подсматривал за ней, жадно впитывая в себя все перемены, с ней происходящие. Как налилась ее кожа ровным розовым цветом, как засиял овал лица, как иногда раздувались ноздри и вздымалась грудь, — видать, вспоминала их постельные утехы... Что ж, начало было положено удачно.

Теперь потихоньку, полегоньку будем двигаться дальше. Будем лепить нашу Галатею. Делать из этого нелепого чучела — женщину!

Глава 3

Тоня уже перестала задавать себе вопросы. Она часто ловила на себе внимательный взгляд Кирилла, словно он изучал ее до малейшей черточки, что-то обдумывая. Если она иной раз и спрашивала, почему он так ее рассматривает, ответ был неизменно один: «Ты мне нравишься». Поэтому она просто решила следовать мягкому руководству Кирилла. «В парикмахерскую? А ты думаешь, что имеет смысл? Нет, я не спорю, пожалуйста! В какую?»

Из парикмахерской Тоня вышла, сама себя не узнавая. Нет, это не она! Блестящие волосы, послушно легшие в изящную стрижку, приобрели новый оттенок — глубокий каштановый, с чуть вишневым отливом... Ее карие глаза вдруг засияли на этом фоне, и краски лица заиграли как-то особенно.

Кирилл затащил ее в модный парфюмерно-косметический бутик, где «специалист по макияжу» выбрала для нее подходящую гамму и научила пользоваться всеми хитрыми кисточками и карандашиками.

Тоня стала стесняться ходить на работу. Продавщицы провожали ее такими взглядами, словно она предала весь их трудовой профсоюз. Хотя на работу она по-прежнему не красилась, но прическа, но одежда, но ее новая осанка и цвет лица — этого уже нельзя было спрятать. А уж тем более счастье, которым лучилась каждая пора ее кожи.

— Они на меня так смотрят! — пожаловалась она как-то Кириллу. — Хоть больше не ходи на работу, и все!

— Завидуют, — улыбнулся Кирилл.

— Спрашивают, не завела ли я себе богатого любовника!

— А ты что?

— Ничего! Не рассказывать же им!

— Почему?

Действительно, почему? Тоня вдруг задумалась: что мешает ей рассказать коллегам об отношениях с Кириллом?

— Боишься, тебе не поверят?

— Наверное... И так смотрят презрительно: и кто же это на тебя, такую дурнушку, польстил?

— Ты не дурнушка. Ты красавица. Они это теперь тоже увидели, но не могут простить тебе этой перемены. Потому что ты изменилась, а они остались прежними... Что еще тебе мешает рассказать?

Тоня честно старалась понять. Уже не в первый раз Кирилл так ее выспрашивал: хотел знать все до малейшей подробности в ее ощущениях. Она удивлялась поначалу, но он объяснил, что хочет ее получше понять.

— И еще, как будто ты мой секрет. Такой, которым не делаться. Интимный.

— Хм... Ты стесняешься сказать обо мне? Ты меня стыдишься?

— Что ты, нет совсем! Это просто... Ну, как раздеться перед всеми. Понимаешь?

— Не очень, если честно... Мне незнакомо это чувство.

— А ты бы своим друзьям рассказал обо мне?

— Конечно. Что встретил потрясающую девушку, — Кирилл улыбнулся. — А что еще ты чувствуешь?

— Наверное, еще жалею их. Им обидно, что у меня есть счастье, а у них нет. И как будто я в этом виновата.

— Ты не виновата.

— Я знаю, но жалко же их... Если бы я стояла на раздаче счастья, я бы им тоже дала!

— Ты добрая девочка. Но они не стоят твоей доброты. Они-то тебя не жалеют, шипят тебе вслед! Почему же ты должна щадить их нервы? Чтобы они, не дай бог, не померли от злости? Так это их проблемы! Скажи им завтра же, что у тебя завелся поклонник, и пусть...

— Нет!

— Что — «нет»? — удивился Кирилл.

— Не хочу про поклонника. Это похоже на «богатого любовника». А ты не любовник и не поклонник! Ты... Ты просто мой любимый мужчина.

Кирилл ласково усмехнулся.

— Ну, хорошо, скажешь, что влюбилась. А на следующий день придешь нарядная, при полном макияже, и скажешь, что вечером идешь со мной в ресторан. Я найду за тобой в магазин — пусть все на нас полюбуются.

— А зачем это, Кирилл?

— Ты должна понять, что ты имеешь право быть влюбленной, красивой, нарядной, богатой, счастливой... И это никого не касается. Ты никого не грабила и не обижала, верно? Тебе не в чем себя упрекнуть. А если люди зеленеют от зависти — то это их выбор. Это их бессонные злые ночи и их головная боль. Ты должна научиться не зависеть от чужого мнения, Антония. Только тогда ты станешь сильной.

— Я не умею так...

— Тут и уметь нечего! Ну-ка, вскинь головку гордо... Нет, Антония, не надо задирать подбородок к потолку! Я сказал «вскинь», а не «закинь»! Чуть-чуть, вот так, — Кирилл показал, и Тоня послушно повторила жест. — А лицо?! Что ты сделала с лицом? Впечатление такое, что сейчас заплачешь! Изобрази мне ироническую улыбку! Антония, с такой рожей Баба Яга собирается сожрать маленьких детей! Встань сюда, перед зеркалом. Видишь? Вот, вот, так уже лучше... Запомни эту улыбку — губными мышцами запомни. Закрой глаза... Запомнила? А теперь еще раз, не глядя в зеркало!

Он замучил ее, совсем замучил этой репетицией. Но Тоня, в конечном итоге, была Кириллу благодарна: она сделала столько открытий о своем лице! Оказывается, раньше она с ним была незнакома. Она и не представляла, что можно научить лицевые мышцы выражать то, что ей надо. И откуда Кирилл все это знает?

О, это было великолепно! Как мучительно она покраснела, вскинув головку и проговорив на очередные подколы товарок: «Нет, я не завела себе богатого любовника! Я влюбилась! Это разные вещи!» И краска залила даже ее шею.

А на следующий день, в своем нарядном платье, она была словно в кандалах. Едва дышала под жадными взглядами, пытаюсь сделать невозмутимый вид. А уж когда Кирилл, придя к концу смены, обнял ее за талию, то она прижалась к нему, как дрожащий пес, — так тяжело ей было выдерживать чужую зависть!

Ничего-ничего, Антония, тяжело в учении — легко в бою! Ты добрая, ты жалеешь даже тех, кто тебя обижает... Но ты просто не догадываешься, что твоя доброта есть не более чем трусость. Ты не умеешь постоять за себя, и потому тебе легче простить, чем дать достойный отпор. Но теперь мы с тобой начнем этому учиться. Будем развивать амбиции, жажду успеха. Дадим тебе его попробовать на вкус. Ты почувствуешь собственную цену. И вот тогда мы посмотрим, что останется от твоей доброты, от твоей жалостливости и легкой способности прощать...

— Они мне практически бойкот объявили! — пожаловалась она на следующий день Кириллу. — Разговаривают со мной сквозь зубы, не глядя, зло... — Слезы выступили у нее на глазах. — Что я им плохого сделала, Кирилл?

— Ничего, разумеется. Но именно в этом вся проблема: ты позволяешь себя обижать, поэтому тебя обижают. Ты должна изменить свой стиль поведения, Антония. Пора научиться смотреть на них свысока.

— Зачем?!

— Ты должна поставить их на место, унизив их.

— Но почему?! Это нехорошо, Кирилл, унижать людей!

— Они вступили в войну с тобой! У тебя не осталось выбора.

— Не понимаю... — Тоня нахмурилась. — Объясни.

Он вдруг расхохотался и притянул ее к себе. Он говорил с ласковой усмешкой: лучший способ защиты — это нападение. Надо уметь отвечать на агрессию агрессией. Эти люди недостойны твоей доброты — они достойны только твоего презрения!

Тоне это не нравилось. Она не знала, как возразить Кириллу, — но ей это не нравилось.

— Это потому, что ты трусишка, — сказал Кирилл. — Ты не хочешь сделать над собой усилие, только и всего!

— А почему ты меня хочешь всему этому научить, Кириуша? Ты ведь говорил, что я тебе нравлюсь такой, какая есть?

— Очень нравишься. Дело в другом. У тебя слишком тонкая оболочка, и потому любые чужие эмоции пробираются в тебя, не спросив разрешения. И начинают влиять на тебя, распоряжаться тобой. Ты боишься не понравиться, боишься нелюбви. Боишься зависти, окрика, раздражения, любого проявления негативных эмоций. А вот это неправильно: бояться не следует. Усвой, маленькая: только посредственность нравится всем. Ее в глубине души презирают, но относятся к ней снисходительно-ласково: она не задевает ничье самолюбие. Но, коль скоро ты дала понять, что ты не посредственность, то отныне всегда найдутся недоброжелательные волны, предназначенные тебе. Поэтому даже и не дергайся, прими как данность. Только научись защищаться от них. Для этого надо уметь делаться высокомерной, резкой и жесткой тогда, когда тебе это надо. Я не призываю тебя измениться, я призываю тебя лишь овладеть оружием защиты. А вот когда научишься, тогда сама будешь решать, пускать его в ход или нет. Захочешь простить — простишь; захочешь унижить — унизишь. Я понятно объясняю?

Тоня поразились глубине его мысли. Она и сама об этом уже думала, но смутно, не до конца. А Кирилл су-

мел все ее неясные мысли сформулировать точно и окончательно!

— Понятно, — ответила Тоня. — Только у меня вряд ли получится...

...И снова была «репетиция». Снова Кирилл мучил ее упражнениями и комментариями:

— Зачем ты брови подняла, лоб наморщила, глаза прикрыла? Нет, милая, все куда проще. Сделай сдержанное лицо, посмотри холодно, а в это время подумай: кто вы такие, чтобы меня обсуждать! И прикажи им мысленно отвязаться от тебя. Вот, учись!

И Кирилл придал своему лицу небрежное высокомерие, холодное равнодушие.

— Откуда ты все это знаешь?

— Жизнь заставила, — засмеялся он.

— И тебе это пригodiлось в общении с людьми, на работе?

— Еще бы!

— А мне зачем, Кирилл? Я ведь за кассой сижу, бизнесом не занимаюсь...

— Ну и как, тебе нравится сидеть за кассой? Ты всю жизнь готова за ней провести?

— Нет... Но со временем, может...

— Что «может», Антония? Золотая рыбка к тебе приплывет? И устроит тебя на другую работу?

— Ну, нет, конечно, но...

— Золотые рыбки бывают только в сказках. В жизни, чтобы чего-то добиться, нужен прежде всего **характер**. Секрет именно в этом. И я пытаюсь сформировать твой характер, чтобы, когда приплывет золотая рыбка, ты оказалась готова к новому статусу. А не осталась у разбитого корыта.

— Ты же сказал, что золотые рыбки только в сказках!

Он обнял ее и прошептал в ухо:

— Не хотел говорить тебе раньше времени, но... Так и быть: твоя золотая рыбка — это я, — усмехнулся он. — И я хочу, чтобы ты сменила работу.

Кирилл отодвинул ее от себя и посмотрел на ее лицо, наслаждаясь изумлением.

— Я уже переговорил с одним своим хорошим приятелем, он согласен взять тебя в фирму, — добавил он.

Тоня что-то восклицала. У нее нет диплома, образования, опыта, — как она будет работать в **ФИРМЕ**?

Кирилл только усмехался, глядя на ее растерянность.

— Научись, не бойся. Ничего сложного, на первых порах секретарская работа. Все лучше, чем за кассой сидеть, верно? Главное, тренируйся в своем магазине: пока что, с твоей беззащитностью, ты можешь спровоцировать только жалость к себе. А ты должна вызывать уважение. Восхищение. Ты должна знать себе цену и нести себя гордо, как знамя!

...Уволиться из магазина оказалось проще простого: ее немедленно отпустили, облив презрением и пожелав: «Скатертью дорога». Тоня вспомнила слова Кирилла и сделала холодное, отрешенное лицо. Эффект оказался незамедлительным. Хоть она и не смотрела по сторонам, уходя, а все же заметила, как через напускное презрение товарок пробилось удивление и любопытство. Вот как все просто, ты прав, Кирилл...

Неделю спустя Тоня осваивалась на новом рабочем месте. Все оказалось действительно несложно, вполне по ее разумению, и она с удовольствием погрузилась в новую работу. В фирме было уместно носить те дорогие костюмы, которые покупал ей Кирилл; там ее новый облик, ее прическу, умелый макияж — все то, что пришло в ее жизнь с появлением Кирилла, — там это оценили. К тому же зарплата была намного выше, чем в магазине, и теперь Тоня могла и сама купить себе то, о чем не смела и мечтать раньше.

Кирилл вникал в малейшее ее сомнение или недоумение. Он был постоянно готов помочь, научить, подсказать. Он снова репетировал с ней каждую мелочь — по-

ворот головы, осанку, походку, жесты, — все, что должно составить ее имидж на новом месте. Днем он работал, у него была своя фирма, которая поставляла дорогую мебель из Европы, но все свободное время он посвящал Тоне. Матери и то не отдают столько времени своим детям, сколько он возился с ней! Его интересовал каждый ее вздох, каждая мысль, каждая тень, пробежавшая по лицу. Он вглядывался в нее даже в постели, в ее искаженные сладостной судорогой черты, словно пытался зафиксировать их навсегда в памяти.

Тоню это смущало и даже подспудно напрягало. Так не бывает! Но она сказала себе, что бояться ей нечего: никакого «левого» интереса к ней у Кирилла быть просто не могло! Насиловать ее незачем, она и так отдается ему каждую ночь. Красть у нее тоже нечего, да Кирилл и сам богат невероятно. Просто он такой вот особенный.

Что ж, тем лучше... Тоня была совершенно счастлива.

Глава 4

Галка говорила, качая с упреком головой: «Ты стала совсем другая, Тонька. С тобой даже страшно общаться». Тоня смеялась. Но чувствовала, как растет стена отчуждения между ней и ближайшей подругой. Она больше не смела прибежать к Галке и поделиться своей очередной радостью. У нее, у Тони, теперь было слишком много радостей. И они выглядели бестактно на фоне скудной Галкиной жизни.

А ей так хотелось поделиться счастьем! Тоня жила в захлеб, и этого было слишком много для нее одной.

И тогда она вспомнила об Александре Касьяновой.

...Два года тому назад она приходила к ним в магазин, чтобы поговорить с продавцами и кассирами. Известная журналистка, Александра тогда интересовалась сменой контингента покупателей, она собирала материал для

статьи о социальном расслоении общества. Тоня, рассказывая ей о нескольких стариках, постоянных клиентах их магазина, расплакалась от жалости, упомянув, что они теперь не покупают ни мясо, ни рыбу — им больше не по карману. Александра ее даже утешала. А потом спросила, что покупает сама Тоня. Выяснилось, что немногого больше...

Как-то так нечаянно вышло, что они разговорились. Журналистка стала ее расспрашивать о жизни, но Тоня не могла отвлекаться от кассы, и дело кончилось тем, что Касьянова, — «да-да, та самая Касьянова!» — пригласила ее к себе домой.

Так завязалась их необычная дружба. Александра была лет на десять старше, во сто раз красивее, в миллион раз увереннее в себе и умнее, чем Тоня. Но она симпатизировала Тоне, которую прозвала «Антоненок», и они продолжали встречаться, хоть и нечасто. И теперь Тоня поняла: ее поймет только Александра Касьянова!

— ...Алеша, помнишь Тоню, кассиршу? Антоненок?

— Что-то смутно припоминаю... Невзрачная такая девушка, тихоня, да? — отозвался Алексей Кисанов, частный детектив и любимый мужчина Александры Касьяновой.

— О, видел бы ее сейчас! Такая красотка стала — глаз не отвести! Вчера была у меня, я с трудом ее узнала!

— Сделала пластическую операцию?

— Нет, влюбилась!

— Я не знал, что это один из методов пластической хирургии... — пробормотал Алексей, посматривая на экран компьютера. — Надо ли сделать вывод, что ты своей божественной красотой обязана исключительно мне?

— То есть? — возмущенно подняла брови Александра.

— Ну, как же, как же, — следуя твоей логике, ты влюбилась в меня и стала красоткой. А до этого, наверное, уродиной была... — скороговоркой договорил он, уворачиваясь от запущенной в него тапки.

— Алешка! Еще одно слово, и я...

— Понял, понял, — я получу вторую тапку. А ты будешь ходить босиком. Это очень эротично, между прочим.

— Придушу тебя!

— Не в твоих интересах. А то без меня снова станешь уродиной!!!

— До чего же ты наглый!

— Сашенька, что это тебя на банальности сегодня потянуло? Ты не беременна, случаем?

...Короткий дружеский матч потасовки закончился вничью. Александра завалилась на диван, убирая растрепавшиеся завитки волос за уши, а Алексей снова вернулся к компьютеру.

— У меня срочное дело... Извини. Так что ты хотела мне рассказать про Антоненка?

— Она действительно необыкновенно изменилась. Похорошела, стала увереннее в себе. К тому же ее друг богат, и красивые вещи Тоне очень к лицу... Он помог ей сменить работу, она теперь в какой-то крупной фирме... Ты знаешь, это не просто перемена — это **перевоплощение!** Пришел добрый волшебник и превратил лягушку в принцессу. Сказка.

— Рад за нее, — рассеянно ответил Алексей.

— Я тоже.

Он вдруг оторвался от экрана и внимательно взглянул на Александру.

— Что-то не так, Саша?

— Если верить в сказки, то все так.

— Понял. Давай, излагай. Что там может быть зарыто? Наследство? Семейные драгоценности, спрятанные под половицей?

— В том-то и дело, что нет. Ничего.

— Государственными секретами не владеет твоя касирша? Тень агента 007 можно не тревожить?

Александра усмехнулась. Алеша был, конечно же,

прав. Просто она стала слишком циничной. И больше не верит в сказки. А они, вопреки всему, случаются, что, несомненно, радует...

...Первый этап прошел блестяще, ну просто блестяще! Он провел отличный кастинг! Подарок — эта девочка. Великолепный материал для режиссера-постановщика: мягкая, податливая глина, доверчиво следующая инструкциям мэтра...

Но события должны развиваться, не так ли? Пора пригласить ее в гости. Шампанское, цветы, свечи — женщины обожают этот декор под названием «романтический». И потом упоительная ночь в роскошной спальне. Какой мурак сказал насчет рая с мылом в шалаше? Нет, господа, рай бывает только на шелковых простынях! Потому что шелк льнет к коже и ласкает, как нежнейшая волна теплого моря. И женщина себя чувствует юной прекрасной богиней, выходящей из морской пены. Она счастлива и щедра — и потому с ней счастлив мужчина...

Тоня оказалась впервые у Кирилла в гостях. До сих пор они проводили ночи в ее маленькой квартире в конце Алтуфьевского шоссе, рядом с магазином, где она работала еще так недавно... И вдруг Кирилл пригласил ее.

Она вошла в его квартиру, как во дворец: осматриваясь с замиранием, боясь ступить на роскошный начищенный паркет. Жилище Кирилла было обстоятельно богато — фундаментально, капитально богато. В этом было даже что-то тяжеловесное, что не шло Кириллу... Тоня не удержалась, спросила:

— Никогда не думала, что у тебя такой вкус...

Она прикусила язык, но было поздно.

— Тебе не нравится?

— Что ты, очень нравится! — не слишком убежденно ответила Тоня.

— Что ты имела в виду: «такой вкус»?

— Ну... Ты одеваешься и держишься просто, а квартира обставлена слишком роскошно...

— Я веду себя просто с людьми, потому что не хочу шокировать их... Не хочу, как ты однажды выразилась, «унижать» их моим положением.

Тоня готова была перецеловать его с головы до ног за эти слова. Какая тонкость души, какая деликатность! Боженька, добренький, неужели тебе удалось наконец создать такого совершенного мужчину??? И за какие же подвиги ты подарил это дивное творение мне?

— А это — мой дом, — продолжал Кирилл. — Здесь я один, шокировать некого. А я — я люблю роскошь, — улыбнулся он немного смущенно.

— И тебе она идет, — улыбнулась в ответ Тоня.

— Тебе тоже, — притянул ее к себе за талию Кирилл. — Но, что важнее, тебе иду я! Посмотри, как великолепно мы смотримся рядом?

Он притащил ее к огромному, в рост, зеркалу. Самое удивительное же было в том, что они и вправду отлично смотрелись рядом. Тоня не могла оторвать от себя глаз: как хороша! Она немного похудела в последнее время — каких-то три кило, но они изменили линии ее фигуры. Новая стрижка, волна волос глубокого цвета, падавшая на щеку с одной стороны, выгодно подчеркивала овал лица, а умелая косметика оттеняла глаза и губы... Она стала ощущать себя иначе, воспринимать себя иначе, она стала вести себя так, как ведет себя красивая женщина, знающая себе цену... Странно теперь и вспоминать, что совсем недавно она сидела, сутулясь, за кассой, с примитивным хвостиком бесцветных волос, в дешевом китайском джинсовом платье, блеклая и неуверенная в себе...

Но ведь это *она* стала такой, *она*! Вот урок — вот важнейшее открытие жизни, которое ей подарил Кирилл! Все это в ней было и раньше, но она так не верила в себя, что никогда бы не осмелилась извлечь этот тайный клад ее красоты. А всего-то надо было — посметь!!!

Ей ужасно хотелось рассказать об этом Галке, научить ее тоже. Она теперь видела подругу другими глазами: глазами визажиста. Как бы она переделала ее прическу, стиль одежды, цвет волос, макияж... Но ведь Галка скажет: тебе-то деньги дает Кирилл! К тому же у тебя теперь хорошая зарплата. А я, интересно, на какие шиши все это делать буду?

Да дело даже не в деньгах. Галка начнет доказывать, что все это лишнее, что Боря ее и такой любит... В общем, старая песня.

Тоня вздохнула. Кирилл накрывал на стол, она вызвалась помочь. Вкусная еда из ресторана (он признался, что готовить не умеет), музыка, свечи, вино и вся эта красота вокруг ее пьянили. Ей казалось, что она погрузилась в дивный сон. Может быть, так бывает, когда принимают наркотики? Состояние блаженства, в котором все воспринимается немножко в тумане, когда все изумительно и замечательно, и когда на все согласна...

...Он отнес ее в спальню на руках. Он раздевал ее долго и красиво. Он целовал ее медленно и нежно.

Время шло, а они все никак не могли насытиться друг другом.

— Ты подмешал мне наркотик в еду? — спросила она, смеясь.

— Нет, милая... Почему ты так подумала?

— Мне никогда не было так хорошо, — прошептала она.

— И мне, Тоня, — прошептал он.

Он впервые назвал ее Тоней.

Через несколько дней Кирилл предложил ей жить вместе. У него.

...Тоня никогда не жила с мужчиной. До Кирилла у нее случилось два недолгих романа: вполне явный суррогат, приправленный ее отчаянной надеждой утолить голод чувств. И еще один брак — Тоня даже толком не

знала, с кем именно. В неполных восемнадцать она приехала в Москву поступать на экономический факультет. Но бесплатные места свелись к тощему минимуму, насквозь схваченному «своими». Тоня не поступила, хотя очень прилично подготовилась. Учувяв, что ситуация безнадежна и нет смысла пытаться на следующий год, она собралась возвращаться к себе в Пятигорск. И вдруг одна девчонка, с которой она вместе сдавала экзамены, предложила Тоне... фиктивный брак с одним ее приятелем!

— У него дом на снос, будут давать новые квартиры. Ему нужно жениться, чтобы дали квартиру побольше. А у тебя появится московская прописка взамен! Идет?

Тоня согласилась, расписалась, — восемнадцать уже стукнуло, — и через два года послушно развелась «по обоюдному согласию». Своего «мужа» она лицезрела дважды: в загсе во время бракосочетания и в суде во время развода.

Так вот и вышло, что до двадцати четырех лет она жила одна. И теперь, сказать по правде, просто боялась. Трусила. Как это — жить с мужчиной???

Но оказалось, что не смертельно. Все устроилось как бы само по себе. Они оба работали, утром каждый занимался собою сам, вечером готовила Тоня, а Кирилл нахваливал ее кулинарные способности. Сам он всегда принимал участие в уборке-мойке, привозил из магазина продукты по ее списку; свои рубашки он отдавал в прачечную — в общем, все сложилось легко и непринужденно. Им было весело и хорошо друг с другом.

Через две недели Тоня уже привыкла думать, что «домой» — это в квартиру Кирилла. И была счастлива этим домом, Кириллом, их дневным бытом и их великолепными ночами. Сказка продолжалась.

А в ней все отчетливее проступали черты «Тысячи и одной ночи»...

Глава 5

Она поднялась на новую ступень развития, и это замечательно. Но пока что все сводилось к феномену под названием «свита играет королеву». Любовь красивого мужчины, более престижная работа, неплохая зарплата были всего лишь внешними атрибутами — то есть «свитой», которая придавала Антонию новый статус.

Но надо, чтобы она сама почувствовала себя королевой! Самоценной. А вот для этого надо заставить ее почувствовать себя самкой, способной взять любого самца. Вытащить это архаичное, древнее, как мир, самоощущение наружу. Женщина, которая не осознает себя самкой, — мертва. Она ничего не познает в жизни. Она раз и навсегда закаменела, она стала не просто трупом — но уже скелетом, зомби. Она опасна для общества, для своих детей, мужа, коллег — для всех, кто с ней соприкоснется!

Настоящая женщина лишь та, которая знает, что мир вместе с нами, мужчинами, жалкой видимостью сильного пола, — этот мир подчиняется ей. Потому что мужчина, даже самый последний мачо, — пойдет, не разбирая дороги, как лунатик, с закрытыми глазами, на ее сексуальный зов... Тот самый, который англичане называют «секс-аппил», а французы «секс-аппель»...

Зов...

Зев...

Это отверстие в теле женщины, из которого мы все вышли и в которое мы постоянно стремимся обратно... Мы, мужчины, вечные младенцы, — нам нужна наша колыбелька в материнском лоне. Всем, от нежнейшего любовника до грубого насильника. Женщины никогда не поймут, почему мужчины после секса сразу же засыпают... А потому что они вернулись в колыбельку! В которой они, хоть ненадолго, способны обрести младенческую безмятежность.

Хм, неплохо сказано, надо будет записать...

А пока что предстояло скovyрнуть, как струнья, ее последние страхи, комплексы, неуверенность, остатки хан-

жества. Чтобы под ними обнажилась новая, блестящая, молодая кожа.

Ну что ж, приступим! Он знает, как это сделать.

...Об этом Тоня не смогла бы рассказать никому — ни Галке, ни Александре. Об этом невозможно говорить. Это слишком интимно, слишком неловко.

Поначалу она довольно легко приняла все выдумки Кирилла, хотя стеснялась ужасно. Он над ней подтрунивал и нежно уговаривал. Когда она надела пояс с чулками на голое тело, и он попросил ее встать то так, то этак, — она выглядела неуклюже, конечно... Но потом привыкла и даже сама придумывала самые невероятные позы, от которых они оба хохотали, а потом падали в объятия друг другу, возбужденные разыгранным спектаклем.

Потом он стал снимать все на видеокамеру. Увидев себя впервые на экране, Тоня залилась краской до слез. Это все-таки совсем разные вещи: заниматься любовью — и смотреть на себя со стороны... Но, надо признать, что Кирилл, как всегда, оказался прав: в этом было что-то ужасно эротично-возбуждающее.

Кирилл напридумывал еще много чего. Каждый раз Тоня боялась и смущалась, но потом уступала... И спустя некоторое время, привыкнув к мысли, соглашалась, что это и впрямь здорово.

— Секс, — говорил он, — это сама жизнь. В жизни человека нет никакого другого возможного акта, то есть действия, которое наполняло бы его пульсацией жизни так, как секс. Посмотри, Антония, как ты стала хороша! Это потому, что ты стала Женщиной! Живой, чувственной, наполненной сексуальной энергией. И вспомни теперь, какой ты была!

— Нет, я не спорю... Но зачем нужно делать вот *это*?

Она была не в силах обозначить словами то, что Кирилл предложил ей в очередной раз.

— Вот *это*, моя милая, нужно делать по одной простой и примитивной причине: чтобы получить удовольствие! Секс — это удовольствие для двоих, и его надо разнообразить, поддерживать в хорошей форме, чтобы не приедался.

— Да мне и так не приедается, — пролепетала она.

— Потому что я об этом забочусь, Антония. Благодаря чему ты меня любишь и всегда хочешь. Не так ли?

Это было так. Тоня не умела с ним спорить.

— В сексе нет ничего стыдного, Антония, — шептал он, когда она, с одеревеневшим затылком, смотрела очередную видеозапись их последнего «изобретения». — Это ведь мы с тобой, здесь нет посторонних. И мы любим друг друга, правда же?

Его рука пробиралась к ней под одежду, и Тоня уже была готова согласиться с любым доводом...

Тем не менее, когда Кирилл предложил ей расширить опыт до совместного сеанса тайского эротического массажа, Тоня, уточнив для начала смысл этого действия, возмутилась:

— Ничего себе! И я должна буду смотреть, как тебя обхаживают девицы, и получать от этого кайф? Кирилл, ты сошел с ума!

— Так я ведь тоже буду смотреть, — настаивал Кирилл, уверенный в том, что ее начальное сопротивление, как обычно, быстро уступит место согласию, — как тебя...

Тоня не дала ему договорить.

— Я им глаза выцарапаю, я им спины в полосочку сделаю, понял?! И тебе заодно тоже! — Тоня грозно растопырила перед ним пальцы обеих рук, демонстрируя длинные, твердые ногти.

— Ну, тогда нам с тобой лучше пойти в клуб СМ, — усмехнулся Кирилл.

— Это еще что такое? — насторожилась Тоня.

— Садомазохисты.

Тоня покрутила пальцем у виска.

— Кирилл, мы с тобой уже столько всего напридумывали в сексе, что впору приглашать к нам постановщиков порнофильмов на курсы повышения квалификации! Неужто тебе мало, скажи?

— Дело не во мне.

— Ага, ты усмотрел во мне тайные пороки и спешишь мне сделать подарок в виде их реализации?

Он засмеялся и притянул Тоню к себе.

— Антония, я хочу, чтобы у тебя был разнообразный и полноценный опыт. Чтобы ты познала как можно больше. В этом нет ничего ни дурного, ни аморального — это всего лишь разные способы получить наслаждение. Дурно только насилие, но в этих клубах насильников нет, все по обоюдному согласию.

Тоня выпросталась из его рук.

— Ты прав. Дурно только насилие, и наслаждение не аморально, я согласна. Только я не хочу, просто не хочу, вот и все! Для меня наслаждение тогда, когда нас только двое, ты и я, и мне больше ничего не нужно! А тебе, тебе все это нужно?!

Кирилл нежно потрепал ее по щеке.

— Нет, милая. Мне нужна только ты. Я хотел подарить тебе новые ощущения, только и всего. Но раз ты не хочешь...

— Не хочу. И закроем эту тему раз и навсегда!

Кирилл склонил голову в знак согласия.

Она постепенно привыкла... О, как она была великолепна! Как он наслаждался каждым ее вздохом, каждым движением тела, каждым выражением лица, даже самым мимолетным... Он пил ее маленькими глотками, смакуя, — и ее стыдливость, и смущение, и неловкость... А потом постепенно приходящую смелость, то великолепное бесстыдство, о котором только может мечтать мужчина! Раскрепостившись, она стала любить свое тело, а, полюбив

свое тело, она стала грациозной, соблазнительной, завораживающей...

Досадно, что она отказалась от новых сексуальных экспериментов, — он бы с упоением посмотрел на нее... Ну, ничего, он к этому еще вернется. А пока что у него и так достаточно материала для наблюдений. Как она сама сказала, им уже впору приглашать специалистов по порнопродукции на курсы повышения квалификации к ним! Ха-ха-ха! Остроумная девчушка!

Как жаль, что у него никогда раньше не было такой женщины... Или он просто не сумел ее разглядеть? Или она однажды прошмыгнула мимо него серым невзрачным мышонком, задрипанной кассиршей, на которой он никогда не останавливал свой взгляд?

Но теперь он ее нашел. И он может все это прожить, прочувствовать. Он все увидел так близко и так ясно! Он знает, как она дышит, как она пахнет, как она спит и занимается любовью... Но он, отстраненный наблюдатель, видит теперь куда больше! Его голова не выключается от пьянящего вида ее доверчиво и бесстыдно обнаженного тела, его мозги не тонут в удушающих волнах гормонов. Он наблюдателен и вдумчив. Он знает ее так, как не знал ни одну из своих многочисленных женщин.

И он сумеет о ней рассказать. Его впечатления свежи, словно у школяра, и он найдет для них новые, незатасканные слова. Они родятся сами, они уже рождаются! Без мук, без напряжения, но легко и свободно. Они текут, и он едва поспекает их записывать... Вот оно, счастье: любоваться своими словами. Наслаждаться ими. Содрогаться от них, великолепных, изысканных слов! Собственных слов.

Впрочем, о себе потом. Пока что о ней, его женщине. Она многого достигла за эти полгода. Она научилась держаться с изящной независимостью; она научилась легко и не смущаясь отвечать на колкости; твердо, но вежливо ставить на место тех, кто пытался на нее «наезжать»...

Самое же главное, что в ней появилось столь мощное сексуальное притяжение, что у мужчин в ее присутствии

начинало что-то дрожать внутри. И это его самая большая победа.

Теперь на повестке дня укрепление амбиций. Пусть научится водить машину, это очень повышает самооценку девушек. Пусть запишется в спортивный клуб — это нынче вопрос не только физической формы, но и престижа. Вкус к роскоши, к деньгам, женская уверенность, материальная обеспеченность — и стерва будет готова.

Вот тогда-то и начнется грандиозный второй том нашей эпопеи!

...Тем не менее Кирилл еще несколько раз возвращался к теме тайского массажа, клуба садомазохистов и даже спросил, не хочет ли она попробовать секс с двумя мужчинами сразу — с ним и еще одним парнем.

Все более стервенея от подобных разговоров, Тоня отвечала «нет!». Она ни на секунду не забывала, что сделал для нее Кирилл, как он ее «сформировал», чему научил... Но постепенно у нее возникало чувство, что он ее ведет куда-то дальше. К какой-то непонятной цели. «Чтобы ты познала как можно больше», — он так сказал. Но разве все на этом свете обязательно надо познать? Этак он ее однажды пригласит поучаствовать в налете на банк!

Возможно, из-за всех этих мыслей она излишне резко отреагировала на предложение Кирилла записаться в спортивный клуб: сауна, бассейн, тренажерный зал...

— Нет! — почти закричала Тоня. — Я ненавижу спорт! Я плохо переношу сауну! А плавать я вообще не умею, чтоб ты знал!

— Так вот и научишься, — мягко возражал Кирилл.

— Не хочу!

— Антония, — пытался он ее образумить, — тебе двадцать четыре года, ты еще девочка. Но время идет. У тебя большая грудь, и нужно следить, чтобы она не потеряла с годами форму!

— А если я захочу ребенка, ты запретишь мне его рожать, чтобы грудь не потеряла форму?

— Ребенка?

Кирилл так удивился, что Тоне стало неприятно. Совершенно очевидно, что он об этом ни разу не задумывался.

...А есть ли у нас вообще будущее? — спросила себя Тоня. До сих пор у нее не мелькало и тени сомнений: все было так ясно, что она даже не задавала себе вопросов. Они любят друг друга, им замечательно вместе, — значит, они и будут вместе. И вот те на...

— Ну, когда до него дойдет дело, то посмотрим, — спохватился Кирилл. — А пока что запишись в спортклуб. За фигурой надо следить, Антония, — добавил он строго.

— Не хочу. Не хочу и не буду!!!

Кирилл смирился с ее отказом. Но в ближайшее же время у него возникла очередная идея «расширения опыта»: он принялся настаивать на том, чтобы Тоня научилась водить. И обещал купить ей приличную машину, как только она овладеет искусством управления.

Но Тоня и от машины решительно отказалась:

— Я не люблю железо, ненавижу запах бензина! Кроме того, на метро быстрее.

Кирилл, как обычно, приводил доводы. Он говорил об имидже современной деловой женщины, о контрастном и эротическом сочетании хрупкой женской красоты с массивным металлическим зверем, о престиже...

Тоня не стала даже слушать.

— Нет, — отрезала она.

Глава 6

О, она стала проявлять характер не на шутку! Вот так всегда и бывает: человек неблагодарен. Лепишь его, учишь его, создаешь ему условия, а он, вместо того чтобы слу-

шатся и говорить каждый день спасибо, начинает зубы показывать! Не ожидал он этого от кассирши, не ожидал... Неужто она способна на бунт?

Да нет, это просто детский каприз. Она еще не под села на эту дешевку под названием «престиж». Это его упусти- ние. Надо срочно заняться ее карьерой.

На работе у Тони все пока складывалось наилучшим образом. К ней хорошо относились сослуживцы, и она быстро усвоила их раскрепощенную, немного фамиль- ярную и в то же время достойную манеру держаться. Она научилась весело пикироваться с шутниками и неприну- жденно ставить на место тех, кто обращался к ней в не- подобающем тоне... Да, она всего лишь секретарша, но это не повод, чтобы ее не уважать!

И ее уважали, ее любили. Мужчины с ней заигрывали, ею восхищались. Женщины постарше называли ее лас- ково «Тоша»; а ровесницы, как водится, соперничали по-женски, но, в общем-то, вполне беззлобно. Может, потому что они сами были вполне ухоженные и знавшие себе цену девицы. Одна даже сказала:

— В тебе есть класс, Тонька.

Вот, дожила она до того дня, когда загадочный «класс», который Галкин дружок приписал кривоногой страшил- ке, вдруг стал Тониным достоинством!

Самым же удивительным было то, что теперь ей каза- лось, что она всегда была такой: легкой, открытой, улыб- чивой, немножко ироничной, уверенной в себе. И толь- ко по какому-то совершеннейшему недоразумению была вынуждена побыть в шкуре бездарной закомплексован- ной девицы... Словно по заклятию злой волшебницы из сказки.

Тоня даже сказала об этом Кириллу.

— Я в тебе это с самого начала почувствовал, — серь- езно ответил он. — Поэтому, наверное, и увлекся тобой.

— Это ты меня сделал такой, Кирилл.

Он смотрел на нее долго и отчего-то печально.

— Я только помог тебе скинуть лягушачью шкурку. Но царевной ты уже была. Ты просто не догадывалась об этом.

Тоня притихла, пытаясь понять эту печаль в его голосе. Он должен был бы гордиться, нет? Ведь он столько сил и внимания вложил в нее!

Собственно, если уж говорить о сказке, то она вот где: в сказочной заботливости Кирилла. То ли принц, то ли волшебник, но это он ее упорно преобразовывает! Он строит Тоню, как строят дом...

Такого она еще никогда не видела... Люди в лучшем случае занимаются воспитанием собственных детей, и то редко с такой отдачей, как Кирилл. Но чтобы мужчина? Все, что Тоня о них знала, укладывалось в определение «эгоисты». Это было малосимпатичное определение, но понятное, жизненное. А сказочная доброта Кирилла — она была непонятной.

— А зачем тебе это, Кирилл? Почему ты выбрал меня тогда, ничем не приметную «лягушку», и вкладываешь столько сил, чтобы превратить меня в «царевну»? Ведь проще было найти уже готовую! Их вон сколько — уверенных в себе, привлекательных, водящих машину и имеющих престижную работу... Зачем тебе понадобилось возиться со мной?

Кирилл ответил не сразу, и в затянувшуюся паузу Тоня добавила:

— Если ты думаешь, что я, всем тебе обязанная, должна теперь тебе во всем подчиняться, то ты ошибаешься. Машину я водить не буду! И в спортклуб не пойду! И все эти твои предложения насчет секса...

Кирилл улыбнулся и взял ее за руку:

— Ты ничем мне не обязана, Антония. Я это сделал ради себя. Я нашел в тебе чистую, неиспорченную душу... И при чем тут машина, глупенькая?

Он прижал ее к себе, и Тоня, вдохнув запах родного тела, сама улыбнулась своим подозрениям.

За ужином Кирилл поинтересовался ее профессиональными успехами.

Тоня пожала плечами.

— Ну, какие профессиональные успехи могут быть у секретарши?

— С компьютером в ладу?

— Очень даже. Я вообще не понимаю, зачем люди ходят учиться на курсы. В самом компьютере есть помощь по каждой мелочи! Открывай и читай: все быстро узнаешь сам.

— Ты умница.

— Я даже придумала, как сделать новую базу данных, общую. С возможностью поиска по любому параметру: по дате, по имени клиента, по наименованию товара и так далее. А то у них все находится в разрозненных файлах, а это очень неудобно.

— Начальнику говорила?

— Нет пока.

— Скажи непременно. Он должен тебя ценить. И вникай побольше в дела фирмы. Твоя задача — перейти со временем с должности секретарши на пост попримичнее. Менеджера, например.

— Зачем? Мне и так неплохо...

— Антония! — шутливо-грозно воскликнул Кирилл. — Не вздумай даже спорить! Ты очень способная девочка и должна реализовывать свои способности — это же элементарно! Это, я бы сказал, задача каждой личности: достичь предела своей компетенции!

На этот раз Тоня не стала спорить.

«Он меня строит, — подумала она, — и у него свой «план строительства». Но все-таки не слишком приятно чувствовать себя игрушкой «собери сам»...

— Так скажи начальнику о своей идее насчет базы данных, — напомнил Кирилл.

— Хорошо, — без выражения ответила Тоня.

— Спасибо вам, что нашли для меня время, — поблагодарила Тоня, садясь за столик в кафе.

— Ты чем-то встревожена... Я не могла тебе отказать, — ответила Александра. — К тому же, если память мне не изменяет, твои родители живут далеко, в Пятигорске, и отношения у тебя с ними не ахти. Во всяком случае, к маме с папой ты за советом не кинешься... Так что у тебя стряслось?

Тоня принялась объяснять, вдруг с ужасом почувствовав, что путается и не знает, как выразить смысл того, что ее беспокоит. Но Александра ее не перебивала, дослушала до конца.

— Я себя чувствую игрой-конструктором, вроде «Лего», по принципу «собери сам». И меня собирают... — закончила Тоня.

— Тебе это неприятно?

— Нет, что вы, наоборот, — он в меня вкладывает столько сил и внимания! Он меня учит всему... Я сильно изменилась, вы наверняка заметили, — я научилась иначе держаться, разговаривать и даже думать. Я ему очень благодарна за это!

— И тем не менее ты мне позвонила.

— Понимаете, поначалу мне казалось, что он просто искал новизны. Богатый, красивый, — наверное, заскучал в своем кругу. Он меня учил, он меня решил «вывести в люди», и, знаете, Александра, я это вполне понимаю. Мне вот тоже было бы в удовольствие подарить кому-нибудь такой шанс. Но Кирилл хочет большего: он хочет, чтобы я развивалась профессионально, он хочет расширить мой опыт и взгляд на вещи... Даже в сексе, — еле слышно добавила она.

Александра задумалась. Несмотря на сумбурность изложения, она уловила, что именно Тонию мучит. Собственно, это ощущение, что «так не бывает». И в этом мерщится какой-то скрытый интерес.

— Он тебя не унижает? Не требует подчинения, мотивируя тем, что столько для тебя сделал?

— Нет, совсем нет! Он меня обычно уговаривает, приводит доводы, — а я обычно соглашаюсь. У меня характер покладистый, — смущенно улыбнулась она. — Правда, от некоторых вещей я отказалась категорически, и Кирилл настаивать не стал.

— Он не состоит в какой-нибудь секте? Там плодится много «гуру», наставников жизни...

— Нет, что вы! Ничего общего! Он никакие собрания не посещает, никаких книжек странных нет, в общем, ничего такого, чтобы можно было заподозрить!

— Уже хорошо. А если предположить, что он ведет тебя к какой-то конкретной цели? Ну, например, фирма, куда он тебя устроил, является его конкурентом, и он хочет продвинуть тебя туда как шпиона...

— Кирилл занимается поставками импортной мебели, а мой начальник — французских и итальянских вин! Если бы они были конкурентами, то меня бы туда просто не взяли по рекомендации Кирилла!

Александра кивнула: логично.

— Да и ему бы дешевле обошлось подкупить персонал у конкурентов, чем «растить» тебя... — добавила она. — Можно, конечно, предположить, что ему просто нравится строить твою личность... Бывают на свете чудачки, вроде Пигмалиона.

— Это, кажется, скульптор, который слепил совершенную женщину, а потом в нее сам влюбился?

— Он самый... А скажи мне, ты проявляешь иногда инициативу? Неважно в чем, пусть в пустяках. Ты говоришь иногда: «мне хочется» или «давай сходим»? Или инициатором всегда выступает Кирилл?

— Вообще-то мне неудобно просить... Он и так завалил меня подарками.

— Не о подарках речь. Об инициативе. Попробуй взять ее на себя в каких-то случаях. И посмотри, как он себя поведет.

— А зачем? Что это даст?

«В первую очередь не имеем ли мы дело с сумасшед-

шим, — тревожно подумала Александра, — который наслаждается чувством власти над ней. Инициатива со стороны Тони подорвет его чувство власти, и он выдаст себя...»

Но она об этом не стала говорить Тоне.

— А вот когда что-нибудь даст, тогда и узнаем, — улыбнулась журналистка. — И звони мне, не стесняйся. Обещаешь?

Алексей только отмахнулся, когда Александра пересказала ему разговор с Антоненком.

— Мало ли чудаков на свете, — усмехнулся он. — Одни ищут непременно девственниц, другие — девственные души. И в том и другом случае данным чудакам, если не приставлять букву «м», нравится быть первыми на невозделанной почве. Иллюзия, что он ее хозяин.

— Ты хочешь сказать, что этот Кирилл просто растит себе жену, которая будет устраивать его во всех отношениях?

— Примерно.

— Он мог бы в таком случае ограничиться развитием вкуса, борщами и врожденной покладистостью Антоненка!

— Ну, Саша, милая, — это же примитивно! Парниша, судя по всему, себя за философа держит! И строит девушку в соответствии со своей философией. Этакая помесь Макаренко со скучающим новым русским. Нажрался говна, пока капитал сколачивал, а теперь его на чистые души потянуло...

— То есть тебя ничего не напрягает?

— Мотива нет. С Тони взять нечего, ты сама сказала. Потому нам всем и напрягаться незачем. Хотя, на ее месте, я бы разузнал, на всякий случай, как именно он капиталец сколотил для собственной фирмы.

Александра не стала спорить. Но Алеша ее не убедил. Вернее, убедил, конечно же, — логикой. Однако ее жен-

ская интуиция продолжала беспокоиться и хлопотать, ища ответа на вопрос «зачем?»

Ответ, однако, не находился.

Тоня запомнила совет Александры: проявлять инициативу. Пересмотрев их отношения задним числом, она вдруг со всей очевидностью увидела, что ни разу, ну просто ни разу не выразила никакого пожелания! Она была так преисполнена благодарности к Кириллу, что ей и в голову не приходило что-то сформулировать в качестве просьбы.

И она решила начать с малого, с сущего пустяка.

— Кирилл, ты завтра когда заканчиваешь?

— Часов в семь, не раньше.

— Я, как всегда, в шесть... У тебя в каком месте фирма?

— На Полянке.

— А давай я подъеду к тебе, а потом пойдем поужинаем куда-нибудь... Или в кино. Мы с тобой давно никуда не ходили! Как тебе мысль?

Против ее ожиданий, Кирилл нахмурился. Он долго молчал, а потом вдруг устроил ей сцену. Настоящую сцену, злую, с криками и обвинениями.

— Тебе со мной уже скучно??? — орал он. — Я тебе надоел, да? Так и скажи! А то придумала: кино, ресторан... Говори, надоел я тебе, да?!

Тоня опешила. Эта некрасивая сцена так не вязалась со всем тем, что она знала о нем до сих пор... Раньше они ходили каждый вечер куда-нибудь, чаще всего в кафе. Сначала это были дешевые уличные кафешки поблизости от ее магазина; потом, когда она сменила место работы, он стал приглашать ее в заведения поцентральной и попримичней... И никогда не было ни тени ревности, ни каких-то подозрений с его стороны...

Наоборот, Тоня чувствовала, что он, ее красавчик, любит себя показать. Легкий эксгибиционизм, он свойственен красивым людям, она давно это заметила. Ему

было приятно, что на него смотрят девушки, женщины, мужчины, — и ему нравилось, когда Тоня говорила: «Вон там, в уголке, одна шатенка глаз с тебя не сводит уже полчаса». И он отвечал: «А я не могу отвести глаз от одной шатенки, которая сидит за этим столиком напротив меня».

Им обоим эта игра нравилась. И что же вдруг с ним случилось?

Тоня решила конфликт не заострять, гнев Кирилла просто переждать и сделать вид, что ничего не произошло.

Наверное, она рассудила правильно, потому что на следующий день Кирилл извинился.

— У меня неприятности на работе, — сказал он. — Прости, сорвался.

Однако больше ей не удалось добиться от него ни слова. Что за неприятности, насколько серьезные, Кирилл не желал обсуждать свои дела. Ни в этот день, и ни в какой другой.

Озабоченным он, однако, не казался. Напротив, он принял ее намек, и они снова стали часто выходить ужинать или на новый фильм. И даже дважды ходили в театр, где Кирилл поразил и восхитил Тоню толковыми замечаниями по поводу режиссуры и актерской игры...

...Через две недели Тоня осторожно спросила, рассказали ли неприятности. Кирилл махнул рукой: «Все о'кей». И она перестала думать о том неожиданном скандале, как и о его не совсем понятных причинах.

Ровно до тех пор, пока, договариваясь об очередном походе в кино после работы, Кирилл не сказал:

— Мне с Солянки туда ехать минут тридцать. Все зависит от пробок.

— С Солянки? — удивилась Тоня. — А ты разве не на Полянке работаешь?

— Ты не расслышала, должно быть. Моя фирма на Солянке.

Но он немного покраснел. Разумеется, это ничего не значило. Тоне частенько случалось краснеть, причем только оттого, что ее могли заподозрить во лжи, хотя при этом говорила она чистейшую правду. Иногда бывало проще соврать, не покраснев, чем не смутиться от мысли, что тебя подозревают.

И все же... И все же... Второй раз заходила речь о его фирме, и второй раз что-то происходило непонятное.

— Наверное, я ослышалась, — пожалала она плечами беспечно. — Тогда я куплю билеты и буду тебя ждать...

Однако путаница с Солянкой и Полянкой засела в ней хоть и небольшой, но неприятной занозой.

— ...Кирилл, а как твоя фирма называется? — спросила Тоня несколько дней спустя.

— Зачем тебе?

— В Москве так много рекламы мебельных фирм, — я подумала, вдруг одно из названий — это твое!

Тоня ясно видела, что Кирилл недоволен ее вопросом. И испугалась, что сейчас он снова взорвется. Но он только головой покачал:

— У меня нет городской рекламы: нашим клиентам мы рассылаем каталог. А они делают по нему заказ.

— Прямо так, по картинке? Не видя мебель в натуре?

— Мы поставляем очень качественную и дорогую мебель от лучших европейских производителей. Клиенты нам доверяют.

— Надо же! А я и не знала, что такое существует...

— Ты многого еще не знаешь, Антония, — строго ответил Кирилл. — Всего полгода назад ты была убогой кассиршей окраинного замызанного магазина, которая проводила свой досуг за чтением идиотских любовных романов и просмотром идиотских телесериалов. А теперь — теперь ты открыла глаза и увидела, сколько в жизни существует интересных и прекрасных вещей. Но тебе их еще постигать и постигать!

— Это не я открыла глаза, — смутилась Тоня. — Это ты мне их открыл, Кирюша... Я бы никогда сама...

— Брось! Ты бесподобная ученица. Все схватываешь на лету!

Он притянул ее к себе и прижался губами к нежной шее. Она немедленно покрылась пупырышками, как от щекотки.

Его это всегда смешило. В этом было что-то детское. Милое. Забавное.

— А ты можешь мне показать ваш каталог? Хочу посмотреть на дорогую красивую мебель... Никогда не видела!

Руки Кирилла разжались. Он отодвинулся от Тони. Он посмотрел на нее с упреком.

— А вот это все, — обвел он рукой пространство квартиры, — вот это все разве не красивая, дорогая мебель?!

— Конечно... Прости, — пролепетала она. — Я не подумала...

Тоня больше не возвращалась к каталогу. Только заноза засела еще глубже.

Заноза почти не мешала, но все же иногда о себе напоминала, укалывая новым вопросительным знаком. Вдруг, к примеру, вспомнилось, что Кирилл никогда не рассказывал о делах на работе. Хотя тоже неудивительно: многие мужчины этого не любят, предпочитая использовать свой досуг исключительно для отдыха.

Потом всплыла мысль о визитках. Тоня никогда не видела у Кирилла визитки. А ведь у шефа фирмы они должны быть, разве не так? И однажды Тоня, поразмыслив, решила залезть в нагрудный карман пиджака, небрежно оставленного на стуле. Там их не было. Как и в других карманах пиджака. Разумеется, Кирилл мог носить их в портфеле... Или в портмоне...

Она больше шарить в вещах Кирилла не стала — ей это было неприятно. И велела себе выбросить глупости